

ШАХМАТНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ТОМ I

ЛУИС РАМИРЕС ДЕ ЛУСЕНА
**ПОВТОРЕНИЕ ЛЮБВИ
И ИСКУССТВО ИГРЫ
В ШАХМАТЫ**

1497

ПОЛНЫЙ РУССКИЙ ПЕРЕВОД

Луис Лусена

Повторение любви и искусство игры в шахматы

<https://litres.ru/74467632>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга Луиса Рамиреса де Лусены, напечатанная в 1497 году, объединяет литературное рассуждение о любви и трактат о шахматах и является 1 томом, 30 томного собрания серии "Шахматные памятники". Полный русский перевод включает обе части, правила игры, дебютные наставления и 150 задач. Исторические особенности и спорные решения сопровождаются редакционными пояснениями. Издание дополнено заново подготовленными диаграммами, иллюстрациями и образцами старинных украшений. При подготовке перевода, комментариев и части иллюстраций использовался искусственный интеллект. Русское издание прошло редакторскую и шахматную проверку.

Содержание

Предисловие к русскому изданию	8
Эпиграмма Франсиско де Кироса	11
Лусена о своём сочинении	13
Повторение любви	15
Предисловие	16
Вступление	18
О целомудрии	20
О природе добродетели	22
Добродетель, слава и память	25
Текст	27
К предмету главы	28
Встреча	29
Портрет дамы	30
Посредница	32
Лусена — своей госпоже	33
Ответ посреднице	35
Найденное письмо	37
Госпожа — своему слуге Лусене	38
Ответ Лусены	39
Госпожа — Лусене	41
Решение отступить	42
Могущество Купидона	43
Всякий возраст и всякое звание	44

Геркулес	45
Самсон	46
Давид и Вирсавия	47
Амнон и Фамарь	48
Соломон	49
Не женщина, но любовь	50
Терей и Филомела	51
Олоферн и Юдифь	52
Фиест	53
Ахилл и Поликсена	55
Эгисф и Клитемнестра	56
Пирам и Фисба	57
Скилла и Нис	58
Медея и Ясон	59
Федра и Ипполит	61
Алкестида	62
Деянира и Геркулес	63
Любовь подчиняет богов	64
Феб-пастух	65
Юпитер и Леда	66
Плутон, Аполлон и Дафна	67
Все земли	68
Небо и море	69
Преисподняя	70
Животные	71
К образу Купидона	73

Первый признак: юность	74
Второй признак: крылья	75
Крылья переменчивости	76
Третий признак: рана сердца	77
Почему именно стрела	78
Глубокая и тесная рана	79
Различные стрелы	80
Золото и свинец	81
Дафна и Аретуса	83
Как любовь меняет человека	84
Аллегория, а не оружие	85
Четвёртый признак: пылающий факел	86
Забота, жгущая сердце	87
Огонь телесной и духовной любви	89
Пятый признак: пояс с сердцами	90
Душа пребывает там, где любит	91
Где сокровище, там и сердце	92
Мучение и опасность подвешенного сердца	93
Шестой признак: повязка на глазах	94
Слепота желания	95
Седьмой признак: лапы грифона	96
Сила грифона	97
Почему Купидон ранит	98
Стрела внутри сердца	99
Жало во плоти	100
Тело этой смерти	102

Не всем дано вместишь	103
Три пути отказа	104
Рождённые, оскроплённые и избравшие	105
Девство, брак и собственный дар	106
Лучше вступить в брак, нежели разжигаться	107
Сила, заключённая в образе Купидона	108
Примечательное место текста	109
Не звёзды, а собственный выбор	110
Самому себе в вину	112
Благоразумие	113
Совершенная справедливость	114
Благопристойность поступка	115
Время изменяет человеческие законы	116
Стыд как похвальное движение души	117
Рассудительность и естественный закон	118
Три предписания права	119
Твёрдость, радость и постоянство	120
Добродетели отдельного человека	121
Общественное и гражданское существо	122
Доброжелательность ко всем	123
Кольцо Гигеса	124
Страх бесчестия и стремление к чести	125
Седые мысли юности	126
Возраст по годам и по поступкам	127
Медленный совет, быстрое исполнение	128
Редкое согласие красоты и целомудрия	129

Луис Рамирес де Лусена

Повторение любви и искусство игры в шахматы

Предисловие к русскому изданию

Дорогой читатель!

Перед вами первый том серии «Шахматные памятники» — русское издание книги Луиса Рамиреса де Лусены «Повторение любви и искусство игры в шахматы», вышедшей в Саламанке около 1497 года. Это древнейшее сохранившееся печатное руководство по современным шахматам. Называть его первой печатной шахматной книгой вообще было бы неточно: трактат Франсеска Висента был напечатан ещё в 1495 году, однако его экземпляр до сих пор не найден.

Масштаб труда Лусены поражает. Собрать, расположить и объяснить сто пятьдесят задач, изложить правила и дебютные наставления — огромная работа для эпохи, когда новые возможности ферзя и слона ещё меняли сам характер игры. За

страницами этой книги видны любознательность, настойчивость и стремление передать шахматное знание другим.

В книге встречается немало ошибок, неточностей и спорных решений. Читатель порой заметит пропущенную защиту, найдет более короткий путь к мату или усомнится в расстановке фигур. Но не будем торопиться судить автора по меркам современного учебника. Перед нами прежде всего исторический памятник, к которому стоит относиться со снисходительностью и уважением. При этом не всякое расхождение с привычными шахматами означает ошибку Лусены: нужно учитывать старые правила, точные условия задач и возможные погрешности печати или восстановления позиции.

Особое чувство вызывает узнавание: на этих страницах встречаются позиции и идеи, знакомые нам по последующей шахматной литературе. Книга хранит одни из самых ранних дошедших до нас печатных свидетельств дебютов, которые сегодня называются итальянской и испанской партиями. Значение этого труда несомненно: он позволяет увидеть, как будущая шахматная классика входила в печатную традицию.

Чтобы облегчить чтение, ходы записаны русской нотацией, а позиции представлены на диаграммах ChessCombine Classic. Современные примечания и комментарии выделены курсивом и отделены линиями от текста Лусены. Они принадлежат русскому изданию, а не историческому автору. Портрет на

обложке — художественный образ Лусены, а не документальное изображение.

Этим первым томом мы открываем серию «Шахматные памятники». В планах — подготовить тридцать томов, расположив произведения в хронологическом порядке их выхода. Замысел серии — проследить развитие шахматной мысли от ранних печатных руководств к трудам следующих поколений, увидеть преемственность идей, открытия и заблуждения, из которых складывалась история нашей игры.

Пусть эта книга подарит вам удовольствие от самостоятельного поиска. Не спешите заглядывать в решение: иногда самый интересный разговор с прошлым начинается с собственного хода. И, обнаружив очередную неточность, вспомните, какой большой путь проделал автор, чтобы эта книга дошла до своего читателя.

Александр С. Власов

Эпиграмма Франсиско де Кироса

В похвалу «Повторению любви», сочинённому красноречивейшим Лусеной

Кто дерзнёт превзойти твой высокий талант, величайший
из бардов,

кто пожелает соперником стать твоих писаний, —
тот вновь готовит безрассудную битву с небесами
и тщится Юпитера свергнуть со священной твердыни;
на вощёных крылах рассечёт он Титаново небо
и, в волнах утонув, своё имя водам отдаст.

Кто же, спрошу, столь безумен и вместе столь дерзок,
что верит: столь огромному морю отказано в парусах?
Ты, воспевая великое, всех прочих поэтов превысил;
даже вся мудрость Минервы, побеждённая, тебе
уступает.

Ты борешься с сомнениями, многие загадки
распутываешь;

чего ты сам не можешь познать, не может познать никто.
Высоким челом ты касаешься эфира и ведаешь всё,
что есть на земле и что воды несут.

Ты весь — словно Линкей с его проницательным взором:
кто ещё на земле способен так ясно увидеть всё?

Лишь того я держусь, что ты думаешь, достославный:
я рад, что могу твоё суждение разделить.

Лусена о своём сочинении

К благосклонному читателю

Вот пред тобой, счастливый и благосклонный читатель,
то, что я, Лусена, собственным разумом сочинил.
Здесь ты узнаешь пылающее оружие крылатого Купидона
и множество различных любовных страстей:
почему его лёгкая рука вооружена стрелами,
почему с обоих плеч у него свисает колчан,
почему, летая на крыльях по эфиру, он тревожит всех
богов
и ранит неисчислимое множество людей;
почему сатиры, дриады и двурогие фавны
не могут избегнуть кровавых стрел разгневанного бога;
и ещё в немногих словах ты узнаешь,
почему никто не уходит невредимым от его раны.

И я предстаю нелживым, самым надёжным свидетелем,
которого Антия не выпускает из розовых объятий.
Когда жестокий Амор желает воспламенить даже
небожителей,
он мечет из её глаз горящие факелы.
Её украшают красота стана, прекрасное лицо и золотые

волосы,
и прекрасный румянец на пурпурном лице.
Пусть ни время, ни старость не смогут изменить этот лик;
пусть Юпитер пожелает сохранить его навечно.

Есть здесь и иной предмет, где, любезнейший читатель,
ты увидишь вооружённые отряды в земной войне.
Сходятся войска, отмеченные разными цветами;
здесь бьёт красная фигура, там — фигура иного цвета.
Здесь передний строй пеших прикрыт могучими
флангами,
так же и там — до тех пор, пока трубы не грянут к
сраженью.
Щит ударяется о щит, щитовой выступ — о выступ,
меч грозит мечу, нога теснит ногу.
Эти гибнут от брошенных копий, другие — от ответных;
Этого губит стрела, летящая быстрее Эвра.
Здесь скачет конь, а там сама царица тяжёлым копьём
низвергает бойцов, пока свирепствует Марс.
Здесь мы учим засадам, хитростям и уловкам,
благодаря которым твои фигуры смогут победить.
Я написал это ради пользы; если же сил мне неостанет,
то и в великом замысле похвально уже само дерзновение.

Повторение любви

Сочинение Лусены в служение прекрасной даме

«Повторение любви», сочинённое Лусеной, сыном премудрого доктора и достопочтенного протонотария дона Хуана Рамиреса де Лусены, посла и члена совета государей наших, в служение прекрасной даме, его подруге, во время учения в прославленном университете благородного города Саламанки.

Предисловие

Ничего я до сих пор не желал так сильно, благороднейшая госпожа, как сочинить труд, который был бы угоден вашей милости и ещё более укрепил бы меня в намерении служить вам: чтобы в одном вы узнали моё желание, а в другом я нашёл успокоение. Страшась же лишиться жизни, словно человек, из тела которого вынимают копьё, я решил — дабы не отступать от памяти о служении вам — ради того и другого, словно вы попросили у меня подарка, послужить вам этой малой книжицей. Ибо я полагаю: то, что выходит из разума, достойно большей оценки, чем драгоценность, цену которой

можно назначить.

Поэтому, госпожа, прошу вас: не вглядываясь в ошибки этой книги, чтением развейте моё невежество. Ведь даже если моя дерзость в чём-либо вам не угодит, само моё желание должно показаться вам добрым.

Вступление

Я счёл бы себя достигшим величайшей славы, пресветлейшие госпожи, если бы мог восхвалить вас вечными и изысканными похвалами, достойными ваших заслуг. Но нахожу это, без сомнения, невозможным — как из-за моего неумения выразить их, так и из-за величия совершенства, сияющего в вас. Не только меня, но и величайшего из ораторов одна мысль о таком предприятии повергла бы в страх.

И всё же, надеясь быть прощённым благодаря вашим достоинствам и превосходству, почтеннейшие госпожи, я скажу — хотя бедно и неумело, как уже признался, — начав с той добродетели, что более всего вам свойственна и являет-

ся главной среди прочих. По-латыни она именуется *pudicitia*, а по-нашему — целомудрие.

О целомудрии

Насколько велико достоинство целомудрия, не сокрыто ни от кого. Все мы знаем: бессмертный Бог и Господь наш, пожелав облечься в человеческую природу, не допустил, чтобы Он был зачат, рождён и произведён на свет иначе как пречистою Девой. Ни на земле не было добродетели более высокой, более угодной и более близкой к Нему, ни в небесной жизни не может быть иной, нежели чистота, целомудрие и непорочность — равно в женщинах и в мужчинах.

Римляне ценили эту добродетель столь высоко, что, когда видели украшенную ею женщину, почитали её в храмах и жертвоприношениях как богиню и небесное божество. И не без причины: они полагали, что только целомудрие служит главным основанием для мужчин и женщин; оно — защита славного детства, цвет юности, хранитель и украшение супружеской святости. Поэтому они особенно восхваляли тех, кто довольствовался одним браком, и желали, чтобы целомудрие оставалось неприкосновенным. Женщинам даже запрещали употребление вина, дабы их имя не было запятнано бесчестьем.

Что сказать о Минерве и её целомудрии, ради сохранения которого она предпочла убить собственного отца, но не уступить ему? Что — о Кассандре и Аполлоне; что — о гречанке Гиппо и критянке Бритомартиде? Первая, силой захва-

ченная морскими разбойниками, предпочла броситься в море без надежды на жизнь, но не позволить себя обесчестить. Другая, спасаясь от Миноса, царя критян, также предала себя морю, лишь бы не ждать его преследования.

Что сказать о Весте, дочери Сатурна, названной богиней за её исключительное девство? Что — о Пенелопе и Дидоне, довольствовавшихся одним супругом? Что — о Лукреции и бесчисленном множестве других, для перечисления которых понадобился бы скорее божественный, нежели человеческий язык?

О природе добродетели

Итак, госпожи, ничто заключённое в небесной сфере не рассматривают с таким вниманием и восхищением, как эту добродетель. Однажды, оставшись наедине с собой и плывя по волнам различных размышлений, я задумался, откуда она получает своё начало. И я понял: хотя влияние неба, соединение стихий и устройство земли порождают столь разнообразны и дивны действия, сами они не отступают от обычая и побуждения, присущих им всегда. Но не так обстоит с мужчиной и женщиной: земные, смертные и бранные по природе, они одним собственным деянием способны сделаться вечными, бессмертными и небесными — такими, что народы будут им дивиться.

Вот действие, которое по праву должно привести наш разум в великое смущение и заставить нас утверждаться в столь похвальном навыке и состоянии. Для этого необходимо освободиться от власти Фортуны, силы небес и порядка природы: каждое из них производит в нас великие перемены, но привычка, доведённая до совершенства, делает нас целомудренными и добрыми.

Если перебрать всё, чем мы можем обладать, окажется, что только добродетель утверждает и укрепляет нас в таком превосходстве. Телесная красота и здоровье, господства и империи, множество детей и слуг, обилие богатств и вели-

чие владений, свобода отечества и телесные наслаждения — всё это в краткий миг отнимается у нас и исчезает. О превосходная и божественная добродетель! Она одна возвращает человеку спокойствие и безопасность; делает его господином и сильным, богатым и свободным; дарует ему неизменные и вечные радости. Она сопровождает его ночью и днём, на площадях и в одиночестве, в наслаждениях и опасностях; ещё при жизни делает небесным, отнимает власть у смерти и причисляет к божественным существам.

Именно поэтому Плавт в «Амфитрионе» говорит: «Добродетель — величайшее благо, превосходящее всё прочее. Добродетелью защищаются и сохраняются свобода, здоровье, жизнь, родные и отечество; добродетель заключает в себе всё, и истинные блага — те, от которых она неотделима».

Случалось ли когда-либо, чтобы тот, в ком обитает божественная добродетель, не переносил с твёрдым духом враждебного влияния неба и несчастий земли? Чтобы он, сколь бы достоин хвалы и славы ни был, не обуздывал себя среди земного благополучия с достоинством и благоразумием? Из этого видно: там, где пребывает добродетель, поистине сияет человеческое совершенство.

Как пишет Курций, добродетель ничего не оставляет неисследованным. Она открыла природу и простоту нашего Первого Творца; число небес, движение планет и смешение стихий; начала природы, происхождение моря и рек; возникновение и разрушение вещей; божественное знание, природу

человека и его бессмертие. Она учит нас воздавать каждому должное; показывает общественное правление и частные дела; велит следовать ей самой и указывает, каким образом нам преодолевать пороки, болезни, боль и смерть.

О том же пишет Тит Ливий в повествовании о Второй Пунической войне: добродетель побеждает всё, но истиннее и величественнее всего она побеждает смерть, когда прославляют людей, которые, умерев телом, живут на небесах. Душа, облагороженная добродетелью, живёт среди славных и почтенных людей благодаря молве о ней.

Добродетель, слава и память

Поэтому Цицерон, желая в первой книге «Тускуланских бесед» выразить мысль о победе над смертью посредством добродетели, говорит: «Никто не мог прожить столь долго, чтобы успеть насладиться совершенным даром совершенной добродетели». Сенека подтверждает это в конце своих трагедий: «Живите мужественно: добродетель никогда не уводила человека в безвестные места».

Также Тит Ливий в пятой книге о второй Пунической войне выводит превосходнейшего римского всадника Луция Марция. После гибели Гнея и Публия Сципионов тот призывает воинов в Испании от их имени: «Я хотел бы, мои воины, чтобы вы не страшились и не печалились. Сципионы живут и будут жить славой своих благородных деяний; поэтому помните о них так, словно вновь видите, как они начинают сражение».

Итак, награда и плод столь исключительной, единственной, превосходнейшей и возвышенной добродетели — честь и слава, приписываемые людям при жизни или после смерти, как говорит Философ в четвёртой книге «Этики». Цицерон в речи за Марка Марцелла определяет славу так: «Слава есть блистательная молва о великих заслугах, распространившаяся среди сограждан, среди всего народа или среди самых разных племён».

Подтверждая эту мысль, Вергилий в десятой книге «Энеиды» приводит слова утешения Геркулесу после смерти Палланта, сына Эвандра. Он показывает, что смерть следует почитать малым злом, потому что за добродетельным деянием следует слава: «Каждому назначен его краткий и невозвратимый срок; но славу его добродетельные дела разносят далеко».

Когда неизбежная смерть уносит с земли добродетельное деяние, разлучая душу с телом, слава и молва вновь даруют ему в мире жизнь, свободную от случайности и подчинения смерти. Итак, господа, чтобы быть кратким и перейти к разъяснению главы, которую я намерен рассмотреть в настоящем выступлении, знайте: порядок моей репетиции не отличается от порядка, принятого в учёных сочинениях. Поэтому председателем я ставлю бога Купидона и во имя его начинаю — ради служения моей подруге, считая лучшим выставить на позор мои слабые рассуждения и самому прослыть глупцом, нежели оставить сокрытыми её достоинства.

Текст

Стихи Торрельяса, взятые Лусеной из «Книги размышления»

Текст, который я намерен исследовать в настоящем выступлении, я взял из книги «Размышление» Торрельяса; точнее, его следует назвать экстравагантной, поскольку он не включён в Свод права. Он гласит:

Кто, дам любя, за ними следует,
тот губит самого себя:
они идут за тем, кто их избегает,
и избегают тех, кто следует за ними.
Они не любят за то, что их любят,
и не вознаграждают за службу;
все они неблагодарны,
одной лишь прихотью ведомы
и по ней раздают свои милости.

К предмету главы

Чтобы предмет настоящей главы был понятнее, я хочу прежде положить несколько оснований, необходимых для её уразумения. Во-первых, надлежит знать: хотя одна молва даёт ясное и очевидное знание о невиданных вещах, никто не бывает вполне удовлетворён, пока собственными глазами не увидит того, о чём прежде слушал с восхищением.

Поэтому, много раз слыша похвалы той госпоже, которой я пожелал посвятить этот труд, и видя, что одни, слушая их, испытывали зависть, а другие — досаду, ибо дерзали своими похвалами умалить столь возвышенное достоинство, я решил не знать покоя, пока не увижу её сам.

Встреча

С этим желанием однажды я проходил возле места, где находилось её жилище, и увидел ту самую девицу. Хотя прежде я знал её лишь по рассказам как совершеннейшую женщину в мире, я тотчас понял, что это она. Она так мне понравилась, что я уже не знаю, начал ли любить её прежде, чем узнал.

Чтобы не обмануться, я много раз спрашивал себя: человеческое ли у неё лицо, ангельский ли облик или сама она послана с небес? Цвет её лица трудно было различить из-за внезапной перемены, которую производила в нём природная стыдливость: порою оно становилось розой, порою — лилией.

Она была столь нежного возраста, что ей не исполнилось ещё шестнадцати лет; происходила из весьма доброго рода и имела стан приятнее, чем у всех прочих женщин.

Портрет дамы

Волосы её сияли; уши имели изящный вид; лоб был высоким, широким и без морщин. Брови, подобные двум дугам, были сложены из немногих чёрных волосков и разведены на подобающее расстояние. Глаза блистали так, что, словно солнце, затрудняли зрение: ими она могла умертвить кого хотела и беспрепятственно вновь возвратить к жизни.

Нос её был тонок; щёки, словно розы, сохраняли совершенную соразмерность — смотреть на них было величайшим наслаждением, а целовать их хотелось безмерно. Рот был превосходно сложен; коралловые губы словно созданы для того, чтобы их кусать; маленькие, ровно поставленные зубы казались хрустальными. Когда между ними двигался язык, её речь представлялась не обыкновенными человеческими словами, но сладостной гармонией.

Что сказать о красоте её подбородка или о белизне горла? Во всём её теле не было ничего, что не заслуживало бы похвалы. Если внешность служит образом внутреннего свойства, никто, увидев её, не мог не пожелать ей служить. А речи её были так услаждены, что, слушая, хотелось навсегда остаться в изумлении.

И одета она была столь нарядно, что Елена не являлась прекраснее на пиру, устроенном для Париса её мужем Менелаем, и Андромаха не была богаче убрана на свадьбе с Гек-

тором. Её хвалили все и говорили только о ней; весь мир смотрел на неё и спешил туда, где, как было известно, она находилась. И как, говорят, Орфей звуками кифары увлекал за собою горы, куда бы ни пожелал, так она одним взглядом увлекла бы вас за собою силой.

Посредница

Столь внезапно оказавшись её пленником, я задумал облегчить страдание, разделив его с кем-нибудь, и спросил одну пожилую женщину, мою близкую приятельницу, знает ли она эту госпожу. Когда та пожелала узнать, зачем я спрашиваю, я отвечал: её доброта давала мне надежду, а моё доброе желание — смелость, поэтому я не стал скрывать случившегося.

«Знай же: я так воспламенён этой госпожой, что не могу ни забыть её, ни обрести покой, если ты не сделаешь меня ей известным. Потому ступай, поговори с нею и скажи ей о моей любви».

Она, конечно, постаралась бы отвлечь меня от этого намерения, если бы верила, что я ещё способен слушать совет или властен над собой. Но, будучи опытна и встречая подобное у других, она предпочла принять на себя труд в надежде на некоторую выгоду, а не вступать со мной в спор. Ободрённый ею, я обрёл некоторую надежду и с великим удовольствием написал следующее письмо.

Лусена — своей госпоже

Я думал, моя сладчайшая госпожа, что и без письма ты узнаешь, сколь велико моё желание служить тебе. Без сомнения, это было бы мне приятнее, чем так открыто выставлять на позор мою бедную речь и всё же не суметь сказать тебе и половины того, что я хотел бы. И хотя ты уже много раз могла заметить это во мне, я не находил удовлетворения, пока ты не узнала обо всём из моего письма.

Не зная о тебе ничего, кроме того, что ты столь прекрасна и исполнена такой грации, я вижу, что ты убиваешь меня любовью. Свидетелями тому могли быть моё лицо, не раз орошённое слезами, и вздохи, которые ты сама слышала. Прошу простить меня за то, что я открылся тебе столь дерзновенно.

Меня пленила твоя красота и связало величайшее изящество, которым ты превосходишь всех женщин. Что такое любовь, доньше я не ведал: ты подчинила меня её державе. Не стану отрицать, что много раз пытался изгнать её из себя, но сияние твоего лица превозмогло все мои усилия; меня победили лучи твоих глаз, затмевающие солнце.

Я твой пленник и отныне уже не могу быть господином самому себе. Ты похитила у меня сон и радость. Днём и ночью я люблю тебя; тебя желаю, тебя зову и о тебе думаю; лишь с тобою нахожу наслаждение.

Душа моя принадлежит тебе, ибо всегда пребывает с тобой. Ты одна можешь сохранить меня и одна — погубить. Избери одно из двух и напиши мне, что решила.

Но не будь в словах своих суровее ко мне, чем были твои победившие меня глаза. Я не прошу ничего, кроме позволения говорить с тобой и сказать при встрече то, что теперь пишу. Если позволишь, сделаешь мою жизнь блаженной; если откажешь — пусть умрёт сердце, которое любит тебя больше, чем меня самого.

Лусена

Ответ посреднице

Получив письмо, эта моя приятельница тотчас с великим усердием отправилась в дом благородной девицы. Найдя её одну, она сказала: «Это письмо посылает тебе один твой слуга и просит сжалиться над ним».

Эта женщина не пользовалась большим уважением, и госпоже было очень неприятно её увидеть. Сильно разгневавшись, она начала говорить: «О злая женщина! Какое безумие дало тебе столько дерзости, что ты явилась в мой дом с таким поручением? Тыходишь в дома благородных женщин, искушаешь девиц столь высокой крови и не стыдишься допускать их бесчестие? Я едва удерживаюсь, чтобы не проташить тебя за волосы. Как посмела ты дать мне такое письмо, заговорить со мной и смотреть мне в лицо?»

«Если бы я не дорожила своей честью больше, чем ты заслуживаешь наказания, обещаю: это было бы последнее письмо, которое ты когда-либо передала женщине. Убирайся скорее, проклятая, и не навлекай на себя смерть: если кто-нибудь найдёт тебя здесь, то не успокоится, пока не расправится с тобой».

От внушённого госпожой страха женщина пришла в такое смятение, что, не разбирая, куда ставит ноги, полетела лицом вниз по лестнице, по которой только что поднялась. И от боли после падения, и от ожидания ещё большей беды она

заботилась теперь больше о спасении жизни, чем о письме.

Найденное письмо

Падение было таким шумным, что девица быстро спустилась узнать, что случилось внизу. Не увидев ничего, кроме письма, забытого старухой в великом испуге, она решила поднять его, чтобы нашедший не бросил тени на её невинность из-за дерзости того, кто это письмо написал.

Поскольку все мы желаем знать, а одиночество придаёт нам больше смелости, она вернулась в свою комнату и начала читать. Тем временем старуха пришла ко мне и сказала: «Ободришь, счастливый влюблённый: та госпожа любит тебя больше, чем ты её. От печали она не могла тебе написать. Говорю тебе: когда я назвала твоё имя и подала письмо, она повеселела и тысячу раз целовала бумагу. Не сомневайся, ответ придёт очень скоро».

Но, зная, что таким женщинам человек не должен верить, пока сам не проверит их слова, и видя, что от женщины, почти меня не знавшей, нельзя было ожидать такого поведения, я пребывал в великом смущении. Из него меня внезапно вывела служанка той госпожи, принёсшая её ответ.

Госпожа — своему слуге Лусене

Не надейся, Лусена, добиться того, чего достичь не сможешь. Перестань посылать мне гонцов и письма. Не думай, будто я принадлежу к тем женщинам, которых обманывают сладкими словами; я не та, кем ты меня считаешь. И впредь не присылай ко мне сводницу.

Ищи других, кого можешь обманывать. Что до меня, пусть никто, кроме того, кому суждено стать моим мужем, не надеется получить во мне долю. Потому с другими поступай как тебе угодно, а обо мне знай наверное: тебе надлежит жить без надежды.

Ответ Лусены

Хотя это письмо показалось мне весьма суровым и противоречащим словам старухи, всё же я решил, что оно даёт мне возможность написать госпоже вновь. Поэтому я принялся сочинять ответ, говоря, что у неё нет причины гневаться на меня за то, что я послал к ней эту женщину. Ведь я был чужестранцем и не имел здесь никого, кому мог бы открыть свою тайну; к тому же любовь не позволяла мне поступить иначе и не повелевала мне ничего бесчестного.

Напротив, я верил, что она целомудреннее всех прочих, и потому любил её ещё больше. В распущенных женщин я не только никогда не влюблялся, но всегда питал к ним великое отвращение: ведь, когда утрачено целомудрие, в женщине уже нечего хвалить.

Красота сама по себе весьма приятна, однако она хрупка и преходяща; если её не сопровождает стыдливость, её ценят невысоко. Ту же, которая обладает и красотой, и стыдливостью, я почитал божественной и исполненной всякой добродетели.

И потому я не просил у госпожи ничего бесчестного или способного повредить её доброму имени: желал лишь говорить с нею и при встрече открыть ей то, чего не мог выразить письменно. На это послание она, не желая больше писать мне и твёрдо решив впредь не принимать моих ответов,

написала следующее.

Госпожа — Лусене

Я получила твоё письмо, намереваясь никогда тебе не отвечать. То, что ты меня любишь, я ни во что не ставлю: ты не первый и не единственный, кого победила моя красота.

Многие любили меня, а другие любят и поныне. Но как напрасны были их старания, так тщетны будут и твои. Поэтому не проси того, чего я не могу сделать.

Решение отступить

Увидев, что моя настойчивость способна принести мне лишь ещё большее презрение, я решил на несколько дней оставить госпожу в покое. Я искал средства как склонить её ко мне, так и исцелить боль, которую причинил мне Купидон, спустив тетиву своего лука и поразив меня стрелой.

Пытаясь избавиться от этой муки, я увидел, что напрасно тружусь, как говорит Сенека в третьей песни четвёртой трагедии, называемой «Ипполит»:

Могущество Купидона

По Сенеке, «Ипполит», третья песнь

О богиня, рождённая свирепым морем, Венера, которую называют матерью двух Купидонов, или Амуров! Этот юноша могуществен пламенем и стрелами, он проворен и силен в стрельбе. Без промаха выпускает он стрелы из своего лука.

Рана, которую он наносит, тяжела, ибо стреляет он с великой силой и никто не может от неё уклониться. Нанесённая рана неисцелима: она глубока и тесна и достигает сокрытого внутри костного мозга.

Всякий возраст и всякое звание

Власть Купидона обращена против всех людей, какого бы возраста и состояния они ни были: своим пламенем он воспламеняет юношей и старцев, замужних женщин и девиц. Так говорит об этом Сенека: Купидон возбуждает неистовый жар молодых и зажигает огонь в утомлённых стариках; он вновь раздувает в их сердцах угасшее пламя и ранит сердца девиц ещё неведомым им огнём.

Сенека говорит так потому, что девицы впервые начинают любить и ещё не знают, что это за пыл, который внезапно поднимается в них, прежде его не испытывавших. И как Купидон поражает людей любого возраста, так подчиняет он себе людей всякого достоинства и положения, заставляя совершать то, что им не подобает и не согласуется с их званием.

Геркулес

Так Сенека рассказывает о Геркулесе: хотя тот был доблестен и могуществен, Купидон подчинил его велениям Иолы, его пленницы.

Геркулес, сын Алкмены, по приказу возлюбленной отложил стрелы и лук, снял львиную шкуру, позволил надеть ему на пальцы перстни с камнями и уложить по-девичьи его густые жёсткие волосы. Он стеснил ноги женскими башмаками, а рукой, прежде владевшей боевым топором, вращал веретено и пряд.

Самсон

Самсон также был побеждён и помрачён любовью, когда открыл своей жене, в чём заключалась сила его. Хотя нетрудно было предвидеть, какое несчастье за этим последует, любовь ослепила его разум и не позволила обдумать будущие последствия.

Отдав женщине власть над собой, он лишился телесного зрения: враги выкололи ему глаза. Поэтому Соломон и говорит: «Не давай женщине власти над собой, ибо она погубит тебя».

Давид и Вирсавия

Так и святой Давид был побеждён любовью, когда влюбился в Вирсавию. Хотя он знал, что она соединена браком с другим, он не отказался исполнить своё желание. Ради того, чтобы свободно обладать ею, Давид согласился на гибель её мужа Урии.

Этот пример служит великим доказательством власти Купидона над всеми людьми. Давид был избран среди всего человеческого рода за справедливость и наделён мудростью по божественной благодати, как явствует из его слов в псалме: «Ты дал мне познать тайну премудрости». И всё же любовь не только заставила его изменить своей доброй и чистой природе, но и подвигла оскорбить Творца, которого он всегда глубоко чтит, и преступить Его заповеди.

Он стал убийцей, погубив Урию или согласившись на его смерть; затем возжелал жену ближнего и совершил с нею прелюбодеяние. Поэтому и сказано в книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова: «От женщины начало греха мужчины».

Амнон и Фамарь

Амнон, сын Давида, влюбился в свою сестру Фамарь. Смятённый этой любовью и оказавшись у неё в плену, он вопреки обычаю Израиля, закону и разуму исполнил своё вожеление. Ясно, сколь тяжко было бы Амнону совершить столь гнусный поступок, будь он свободен и способен рассуждать здраво.

Когда любовь оставила его и он увидел себя виновным в ужасном грехе, в нём вспыхнули великий гнев и отвращение к Фамари. Желая избавиться от неё, он с позором выгнал её из своей комнаты. И Писание говорит, что ненависть, которой он её возненавидел, была сильнее прежней любви.

Хотя сама Фамарь не была виновна в преступлении, причиной стала её красота, о которой брат её Соломон говорит: «Не смотри на девицу, чтобы не быть побеждённым её красотой».

Соломон

Какой же могучей силой обладает любовь, если тот, кто за мудрость и чистоту удостоился воздвигнуть святой храм, позднее по её велению строил святилища Моаву, идолу Моавы, и Амалеку, идолу Эдома! Тот, кто написал тысячу пять книг о науках и составил три тысячи притч для наставления сына человеческого, по любви оказался под управлением неразумных моавитянок и эдомитянок.

Тот, кто благодаря мудрости познал все растения и всех животных земли и моря, не распознал суеты идолов, для которых воздвиг подобные здания. Наконец, того, кому покорились великие князья, кому служили царства его врагов, любовь отдала во власть слабых женщин.

Потому о Соломоне сказано: «Ты преклонил чресла свои перед женщинами и дал им власть над телом своим; ты запятнал славу свою и прогневал Всемогущего».

Не женщина, но любовь

К этому хорошо подходят слова философа по имени Секунд: «Женщина есть вождение мужчины». Понимать их следует так: хотя женщина бывает причиной, самым вождением является любовь. Жёны Соломона погубили его именно потому, что он их любил; не любя, он не уступил бы их просьбам.

Поистине одна женщина, которую ты любишь, причинит тебе больше вреда, чем тысяча тех, к кому ты равнодушен. Вирсавия стала предметом желания Давида; но, говоря точнее, погубила его не её порочность, а любовь, которую он к ней питал.

И если ты думаешь, будто женщины сами по себе были способны обмануть Аристотеля и Вергилия, не верь этому: их обманула любовь.

Терей и Филомела

О Терее Овидий рассказывает, что он был женат на Прокне, дочери царя Пандиона. Находясь в Афинах, в царстве тестя, Терей воспылал любовью к своей свояченице Филомеле. Собираясь вернуться в своё царство, где оставалась Прокна, он настойчиво просил разрешить юной Филомеле отправиться с ним, чтобы повидать сестру.

Пандион согласился, хотя и неохотно, и взял с Терее крепкую клятву перед богами, что тот будет оберегать Филомелу как её отец. Они отплыли из Афин, благополучно пересекли море и пристали во Фракии. Там Терей отвёл Филомелу от своих людей в страшный, необитаемый лес, полный диких зверей, и, ослеплённый и жестоко теснимый любовью, силой лишил её невинности.

Любовь не позволила Тереею соблюсти клятвы, хотя, принося их, он намеревался хранить верность. Ему легче оказалось стать клятвопреступником, лишь бы исполнить своё желание. Потому Сенека и говорит: «Влюблённый редко несёт наказание за клятву».

Олоферн и Юдифь

Мы читаем об Олоферне, что любовь к прекрасной Юдифи заставила его забыть об осторожности. Доверившись её обществу, он потерял жизнь от руки женщины.

Любовь заставила его забыть, что Юдифь была его врагом, а близость с нею — опасна. Как говорит Секунд: «Женщина — безмерная опасность для мужчины, ибо, околдованный привязанностью, он не умеет от неё беречься».

Фиест

Царевич Фиест был побеждён любовью и овладел женой своего брата Атрея. Отбросив верность, которую был обязан хранить брату, и забыв о достоинстве своего царского звания, он совершил прелюбодеяние с невесткой.

Любовь не допускает подобающих размышлений и не оставляет места верности: трудно честно охранять жену друга, если сам её любишь. Философ, названный в инкунабуле Ауалием, говорит: «Редко сохраняет мужчина верность, когда ему поручена женщина». О Фиесте также рассказывается, что он воспылал любовью к собственной дочери Пелоке и добился от неё желаемого.

Примечание к переводу. Оборот «об этом же» отнесён к Фиесту по содержанию эпизода. У Гигина («Мифы», 87–88) Пелопия — дочь Фиеста; в переводе сохранена печатная форма её имени у Лусены: «Pelosa», Пелока. Личность философа, названного «Aualio», здесь не устанавливается.

Ахилл и Поликсена

Знаменитый рыцарь Ахилл, теснимый любовью к Поликсене, отказал в помощи своим родичам и соотечественникам — мирмидонянам, хотя находился вместе с греками на Троянской войне. Позднее, ослеплённый любовью, он пришёл в храм Аполлона во вражеской Трое, где был ранен Парисом и умер.

Если бы Ахилл последовал совету Александра, его не победили бы так. Когда Александру рекомендовали иметь многих женщин, чтобы умножить свой род, он ответил: «Тому, кто победил мужчин, не подобает быть побеждённым женщинами». Однако и Александр, сколь ни был он силён и мудр, после оказался побеждён любовью и потому пожелал избегать общения с женщинами.

Итак, мы вправе сказать, что Ахилл победил мужей в городе Трое: от его руки погибли могучий Гектор и его братья Троил и Деифоб. Но после сам он был побеждён любовью и приведён ею к смерти.

Эгисф и Клитемнестра

Об Эгисфе, сыне Фиеста, говорится, что он полюбил Клитемнестру, жену своего родича Агамемнона. Ослеплённый этой любовью, он не только совершил прелюбодеяние, но и вместе с Клитемнестрой замышлял смерть Агамемнона, когда тот возвратился победителем с Троянской войны.

Когда Агамемнон разделся, собираясь лечь в постель, скрывавшийся Эгисф вышел и убил его. Оба были ослеплены и увлечены страстью и действовали без рассуждения, не умея уберечься от грядущего возмездия.

Потому Сенека говорит: «Редко Бог позволяет человеку одновременно любить и быть мудрым» — словно любовь не даёт влюблённому ни понять, ни обдумать, что последует за его поступком. А если хочешь знать, что постигло Эгисфа за убийство, я скажу: Орест, сын Агамемнона, повесил Эгисфа и предал смерти Клитемнестру.

Пирам и Фисба

Какую силу любовь имела над юным вавилонянином Пирамом! Он любил девицу по имени Фисба, и по взаимному согласию она отправилась ждать его у гробницы царя Нина, возле источника. Туда пришёл напиться лев. Испугавшись, Фисба уронила покрывало, бежала и укрылась в пещере. Лев, возвращавшийся в лес, увидел покрывало, схватил его пастью и разодрал когтями.

Пирам пришёл и, увидев покрывало, без раздумья решил, что Фисбу растерзал дикий зверь, после чего убил себя. Фисба возвратилась на условленное место и, увидев мёртвого Пирама, испытала такую скорбь, что окровавленным от раны возлюбленного ножом лишила себя жизни.

Оба не смогли вынести боли, побудившей их к смерти. Как говорит Овидий, любовь и власть над собой не могут пребывать в одном существе: любящий не способен противиться обрушившимся на него несчастьям.

Скилла и Нис

Минос, царь Крита, пришёл завоевать землю царя Ниса, отца Скиллы, и осадил его в городе, названном у Лусены Алиатором. Увидев Миноса с городской стены, Скилла влюбилась в него. Чтобы заслужить его благосклонность и получить желаемое, она вошла в спальню отца, когда тот спал, отсекла ему голову и отнесла её царю Миносу.

Какая чудовищная и безрассудная дерзость: слабая девушка ради любви к чужеземному царю умертвила великого царя, своего отца! Философ, названный у Лусены Аэстио, говорит, что женщины от природы боязливы, потому что холодны; однако любовь воспламеняет влюблённую и слабую делает сильной, а робкую — дерзновенной.

Медея и Ясон

О Медее мы читаем, что любовь к Ясону побудила её посоветовать ему похитить сокровище её отца, царя Ээта, находившееся на острове Колхида. По поэтическому вымыслу, это был заколдованный баран с золотой шерстью.

Расставшись с Ясоном, Медея покинула принадлежавшее ей царство, спасаясь от отца. Опасаясь, что отец погонится за ней, чтобы вернуть её и отнять у Ясона, она убила брата, которого увезла с собой, разрубила его тело на части и разбросала их по дороге. Пока отец собирал останки сына, Медея получила время для бегства.

Не думаю, что это совершила природная порочность Медеи, но смятение любви. Так говорит Сенека в седьмой трагедии, вкладывая в её уста слова: «Всё, что я совершила, сделано не в гневе, не в ярости и не в безумии, но из любви к Ясону».

Примечание к переводу. В оригинале напечатано «partiendo se de iason» — «расставшись с Ясоном», хотя далее отец намерен отнять Медею у Ясона. Это несогласование сохранено в переводе; предлог

«de» («от») не заменён на «con» («с»).

Федра и Ипполит

Федра, жена Тесея, полюбила Ипполита, сына царицы амазонок Ипполиты. Когда он не пожелал согласиться на преступное желание мачехи, она обвинила его перед отцом в собственном грехе. Поэтому невинный Ипполит был изгнан.

В изгнании он ехал на колеснице. Кони испугались морского чудовища и опрокинули колесницу между прибрежных скал, где Ипполит погиб. Хотя Федра сама обвинила его, узнав о несчастье, она так страдала из-за любви к тому, кого погубила, что убила себя.

Алкестида

Среди прочих не забуду благородную царицу Эстацию, жену царя Ферро. Когда Аполлон объявил, что царь умрёт, если другой человек не примет смерть за него, сама царица, любившая мужа, предложила умереть, чтобы спасти его.

Потому Сенека говорит: «Нет ничего, чего не претерпел бы тот, кто любит совершенно». Но поверь в одной этой царице: она претерпела бы всё, раз претерпела последнее и самое тяжкое.

Примечание к переводу. В этом эпизоде у Лусены напечатаны имена «Estacia» и «Ferro». Заглавие «Алкестида» дано по соответствию сюжета мифу об Алкестиде и Адмете; в самом переводе сохранены имена оригинала.

Деянира и Геркулес

Насколько любила мужа Деянира, хорошо видно из следующего. Геркулес влюбился в Иолу, дочь Еврита, царя Эхалии, взял её в наложницы и покинул Деяниру. Желая вновь склонить Геркулеса к своей любви, Деянира послала ему рубаху, пропитанную кровью кентавра, которого Геркулес прежде ранил отравленной стрелой.

Умирая, кентавр, желавший гибели Геркулеса, сказал Деянире: если когда-нибудь супруг отдалится от её любви, то, надев эту рубаху, вернётся к ней. Но едва Геркулес надел её, яд поразил его и плоть стала отделяться от костей. Не в силах вынести мучения, он бросился в великий огонь в том прославленном лесу и там умер.

Деянира не знала об обмане. Узнав о смерти того, кого так любила, она не захотела, чтобы её жизнь была дольше жизни мужа. Хотя Геркулес уже оставил её, Деянира не могла исторгнуть любовь из своего сердца. Потому Сенека и говорит: «Сердце не полагает конца любви».

Любовь подчиняет богов

Купидон подчиняет не только людей: он заставляет и богов любить то, что менее всего подобает их достоинству, — смертных женщин. Ради исполнения его велений они меняют небесный облик.

Так говорит Сенека в четвёртой трагедии, третьей песне: Купидон повелевает богам оставить небо, поселиться на земле и принять ложные, вымышленные образы.

Феб-пастух

Феб, переменив своё положение, стал пастухом у фессалийского царя Адмета, возжелав прекрасную Алкестиду, дочь царя Пелия и супругу самого Адмета. Тогда он согласился стеречь коров и, оставив подобающую ему виуэлу, созывал быков игрой на свирелях, то есть тростниковых трубках разной длины.

Овидий во второй книге «Метаморфоз» подтверждает, что Аполлон был тогда настолько ослеплён любовью, что не уследил за порученным ему стадом и Меркурий воспользовался случаем, чтобы похитить коров.

Юпитер и Леда

То же Купидон сделал с великим Юпитером, верховным среди богов, заставляя его менять облик. Сенека говорит: сколько раз принимал низменные формы тот, кто управляет небом и движет облака!

Однажды, обратившись в птицу, Юпитер взмахивал белыми крыльями, а голос его звучал слаще голоса умирающего лебедя. Это произошло, когда он возжелал Леду, жену Тиндарея, от которой у него родились Полидевк, Кастор, Елена и Клитемнестра. Он превратился в белого лебедя, сладким пением обманул её и в этом облике достиг желаемого.

Многих других богов ранил Купидон и так сильно их мучил, что заставлял покидать небеса и принимать недостойные их образы.

Плутон, Аполлон и Дафна

Иных богов Купидон принуждал любить, не меняя облика. Так было с Плутоном: по просьбе своей матери Венеры Купидон поразил его и тотчас заставил похитить Прозерпину, юную дочь богини Цереры, как повествует Овидий в пятой книге «Метаморфоз».

Но ещё яснее власть Купидона обнаруживается в том, что некоторых богов он заставляет пламенно любить и быть жестоко отвергнутыми. Так случилось с Аполлоном и нимфой Дафной, о чём Овидий рассказывает в первой книге «Метаморфоз».

По воле Купидона Аполлон был ранен стрелой с золотым наконечником, а нимфа Дафна — стрелой со свинцовым. Так Купидон держит в своей власти и любовь, и отвращение к любви и причиняет жестокие мучения тому, кому пожелает.

Все земли

Купидон обладает такой же властью во всех частях земли. Нет ни одной страны, сколь бы дикие народы ни жили в ней, где Купидон не господствовал бы над всеми обитателями.

Сенека говорит: нет этому юному Купидону покоя во всём мире; повсюду он стремительно посылает и рассыпает стрелы. Все народы, видящие восход солнца, все области, обращённые к закату, люди, живущие под созвездием Рака или под северными звёздами, — каждая из этих земель знает неистовый жар юношей, старцев и девиц. Иными словами, все края земли терпят пламя, которое возжигает бог Купидон.

Небо и море

Купидон властвует не только на земле, но также на небе и в море. Сенека говорит: огонь Купидона священен и весьма могуч повсюду, где земля опоясана высоким морем и где сияющие звёзды проходят небесный путь.

Всё это — царство неистового юноши. Его стрелы чувствует даже в глубоких морских водах сонм нереид, морских нимф.

Преисподняя

Поэты дают Купидону власть не только над небом, землёй и морем, но и над преисподней. Это видно из слов Венеры, которая просит сына: раз он обладает могуществом на небе, земле и море, пусть завладеет также подземным царством.

Купидон исполнил её просьбу: поразил Плутона, бога преисподней, заставил его полюбить и похитить Прозерпину. Так говорит Венера Купидону у Овидия в пятой книге «Метаморфоз»: «Ты побеждаешь и подчиняешь небесных богов, Юпитера, морские божества и того, кто правит земными богами. Почему же не присоединяешь к ним подземных и не расширяешь царство своей матери и своё? Ведь речь идёт не менее чем о третьей части мира».

Животные

Наконец, Купидон властвует и над животными. Сенека говорит: быки, воспламенённые желанием, вступают между собой в жестокие бои за всё стадо. Даже робкие олени, заподозрив соперника в намерении увести самку, вступают в битву и издают рёв, выдающий пробудившуюся ярость в пору любовной ревности.

Бледная Индия страшится полосатых тигров; дикий вепрь точит клыки, готовясь нанести рану, и пена выступает у него из пасти. Африканские львы трясут шеями, когда ими движет любовь, и тогда леса содрогаются от великого шума. Любят морские чудовища и могучие горные быки.

Примечание к переводу. «Бледная Индия» — буквальная передача «india la descolorada» у Лусены. В соответствующем месте «Федры» Сенеки (стихи 344–345) стоит «India decolor»; Ф. Дж. Миллер переводит этот эпитет как «смуглая». Испанское чтение здесь не заменено латинским.

К образу Купидона

Теперь остаётся объяснить признаки, которые поэты приписывают Купидону: он юн, имеет крылья, лук и стрелы, несёт пылающие факелы и сердца, привязанные к поясу; глаза его закрыты полотняной повязкой, а ноги подобны ногам грифона.

Первый признак: юность

Первый признак состоит в том, что Купидон изображается юношей или ребёнком. Сенека в четвёртой трагедии, третьей песне не раз называет его то резвым, то свирепым ребёнком.

Причина заключена в значении образа. Дети неразумны, поскольку по возрасту ещё не достигли полноты знания, как говорит Исидор во второй главе десятой книги «Этимологий». Столь же неразумна любовь: она делает людей глупцами. Даже мудрых и благоразумных она заставляет совершать великие ошибки, словно они вовсе лишились рассудка.

Потому Исидор в восьмой книге «Этимологий» и говорит: Купидона рисуют ребёнком, поскольку любовь безумна и не знает разума.

Второй признак: крылья

Купидона изображают с крыльями по двум причинам. Первая нужна для того, чтобы сделать правдоподобным утверждение поэтов: будто Купидон носится по всему миру, поражает стрелами всех людей и воспламеняет каждого любящего. Он не смог бы делать это повсюду, если бы не летал с великой быстротой.

Так изображает его Сенека в четвёртой трагедии, второй песне: Венера, называемая Берецинтией, посылает сына странствовать по миру; летая по небу, он нежной рукой стремительно выпускает могучие стрелы.

Крылья переменчивости

Вторая причина заключена в аллегории. Купидон означает любовь, а любовь делает людей более непостоянными, чем любая иная страсть. Как крылья позволяют внезапно перелетать с места на место, так любовь лишает влюблённого твёрдости и беспрестанно его изменяет.

Влюблённые весьма подозрительны: мгновенно верят и столь же мгновенно перестают верить, вечно привязаны к одной мысли и объаты страхом. Так пишет Овидий в послании Пенелопы к Улиссу из книги «Героид»: любовь исполнена страха и подозрения.

Кроме того, влюблённые внезапно любят и отвергают любовь, спорят и тут же мирятся. В одно и то же время они носят в себе противоположные состояния, чего не бывает с людьми, одержимыми другими страстями. Поэтому крылья подобало дать Купидону более, чем какому-либо другому богу. Исидор в восьмой книге «Этимологий» говорит: язычники изображали Купидона крылатым, потому что нет ничего легче и изменчивее влюблённых.

Третий признак: рана сердца

Третья особенность состоит в том, что Купидона изображают с луком и стрелами. Их смысл таков: Купидон, то есть любовь или плотское желание, наносит раны сердцу. Любящий уже нездоров в мыслях и желаниях, ибо жаждет того, что может привести к гибели добродетель и честное имя.

Любовь называют раной ещё и потому, что телесная рана причиняет боль и лишает тело покоя. Так и любовь приносит столько забот, что влюблённый не имеет ни телесного, ни душевного отдыха, но всегда исполнен подозрений, страхов и тревог.

Почему именно стрела

Эту рану можно было бы приписать и другому оружию. Однако стрела подходит лучше всего по нескольким причинам. Во-первых, рана любви должна проникать в сердце; поэтому необходимо острое оружие, а стрела способна проникнуть глубоко.

Во-вторых, существуют и другие острые виды оружия — меч и копье, — но летящий по воздуху Купидон не мог бы поразить ими человека издали: ему пришлось бы приблизиться. Стрелой же он ранит на расстоянии.

В-третьих, Купидону нужна быстрота. Он поражает всех мужчин и женщин и даже всех животных во всех землях, как говорит Сенека в четвёртой трагедии, третьей песне. Поскольку каждый день раненых так много, ему необходимо спешить. Если бы оружием служили тяжёлые мечи или копья, ему пришлось бы подходить к каждому. Оставаясь на одном месте, Купидон может выпустить множество стрел и поразить многих гораздо скорее.

Глубокая и тесная рана

В-четвёртых, язычники говорили, что рана Купидона имеет малое отверстие, но уходит очень глубоко. Для этого стрела пригоднее копья или меча: те оставили бы широкий разрез, тогда как стрела делает вход узким.

Узость раны означает, что любовная страсть или болезнь трудно поддаётся лечению. Овидий вводит Аполлона, который жалуется: «Я открыл врачевание, весь мир зовёт меня дарителем здоровья, сила и могущество трав подвластны мне. Но, увы, никакими травами нельзя исцелить любовь, и врачебные искусства, полезные всем прочим, не помогают их господину».

Аристотель во второй книге «Этики», перечисляя страсти, которым трудно противиться и которые трудно исцелить, ставит выше всех любовное вожделение: оно растёт вместе с нами с юности и остаётся на протяжении всей жизни. Чтобы обозначить эту трудность исцеления, поэты сделали рану глубокой и тесной: в узких и глубоких ранах нельзя совершать хирургические действия так, как в широких.

Различные стрелы

В-пятых, хотя всем ранам Купидона свойственно быть глубокими и тесными, сами они неодинаковы. Это разнообразие легче выразить стрелами, чем мечами или копьями. Купидон может носить множество лёгких стрел самых разных видов, но не множество тяжёлых мечей и копий. Что стрелы были различны, видно уже из того, что одни имели золотые наконечники, а другие — свинцовые, как говорит Овидий в первой книге «Метаморфоз». Кроме того, стрелы могли быть вернее, крупнее или проникать глубже.

Овидий рассказывает, как Купидон по просьбе Венеры собирался поразить Плутона. Из колчана, полного стрел, он по совету матери выбрал одну из тысячи и испытал её: она была самой острой, самой верной и лучше всех повиновалась луку. Столь великое разнообразие и множество естественны для малых стрел, но не для копий и мечей.

Золото и свинец

Стрелы Купидона были не одного рода: одни имели золотые наконечники, другие — свинцовые. Так пишет Овидий в первой книге «Метаморфоз»: стрела, поразившая Аполлона, была золотой, а стрела, поразившая Дафну, — свинцовой.

Поэты и язычники, наделив Купидона властью побуждать к любви, должны были дать ему и власть отвращать от неё. Для обоих действий ему нужны стрелы, потому что и любовь, и отвращение к ней — раны, наносимые оружием. Как ему дали стрелы, чтобы ранить сердце любовью, так дали их и для противоположного действия. Любовь есть рана, ибо эта страсть не даёт влюблённому покоя. Так и отвращение к любви — страсть, которая теснит человека, побуждает его действовать и избегать того, что делает любящий. Обе страсти пребывают в душе, в одной и той же её части. Поскольку душа обозначается сердцем, необходимо оружие, способное проникнуть в него, — стрела. Поэтому стрела служит орудием и любви, и отвращения к ней: для любви Купидону дали золотые стрелы, для противоположного чувства — свинцовые.

Золото — лучший из металлов и потому обозначает лучшее; свинец малоценен и обозначает худшее. Любовь лучше отвращения к любви, поскольку служит сохранению природы, тогда как отвращение не только не служит этому, но и

препятствует тому, чем природа сохраняется. Золото также ближе по цвету к огню, от которого происходит любовное воспламенение; свинец ближе к чёрному, меланхолическому цвету, рождающему печаль, досаду и нелюбовь.

Дафна и Аретуса

Можно объяснить это и иначе. По распространённому мнению, любовь побуждает молодых людей к некоторому блеску, благородству и человеческой — хотя не божественной — добродетели. Она превращает в свои противоположности лень, сонливость, уныние, неопрятность, молчаливость и скупость. Золотая стрела обозначает такое возвышающее действие, а тяжёлая, чёрная и малоценная свинцовая стрела — состояние того, кто не любит.

Овидий показывает это на девицах, не желающих любить. Прекрасная Дафна, отвергавшая Феба, скиталась под палящим солнцем по горам, вредя своей красоте. Она не заботилась о наряде: простой повязкой стягивала волосы, не собирая их, но оставляя свободно рассыпаться без порядка.

Так же Овидий говорит в пятой книге «Метаморфоз» о прекрасной нимфе Аретусе, которую любил речной бог Алфей. Не отвечая ему, она вовсе не заботилась о красоте и говорит: «Я никогда не стремилась прослыть красивой. Хотя была сильна и занималась мужественными делами, меня всё же называли красавицей. Похвалы моей наружности меня не радовали; будучи простоватой и деревенской, я стыдилась телесной красоты, которой другие женщины радуются, и считала преступлением желать казаться мужчинам прекрасной».

Как любовь меняет человека

Золотые стрелы, которыми Купидон заставляет мужчин любить, пробуждают в них качества, прежде им не свойственные или остававшиеся без употребления. Влюблённые стараются быть весёлыми, опрятными и хорошо одетыми, ищут общества и проявляют щедрость — всего этого требует любовь.

Так поступит всякий любящий, даже если от природы он меланхоличен, печален, задумчив, нелюдим, молчалив, небрежен и скуп. Подобно тому как человек высокого звания, желая любить и показать себя влюблённым, не сможет сохранить прежнюю важность и достоинство, но станет лёгким и весёлым, так печальный, замкнутый и неопрятный, начав любить, переменится на противоположное.

Овидий говорит об этом во второй книге «Метаморфоз», рассказывая, как Юпитер начал любить деву Европу. Он оставил все знаки достоинства и в низком облике быка стал играть среди девиц: любовь и величие не уживаются под одной кровлей. Оставив царский скипетр и высоту своего положения, отец и правитель богов, чья рука вооружена тройной молнией и по чьей воле содрогается мир, принял облик быка, мычал среди телят и прекрасный бродил по траве.

Аллегория, а не оружие

Такова причина, по которой Купидону приписывают золотые и свинцовые стрелы. Уже из этого видно, что образ создан ради скрытого значения.

Если бы Купидон действительно носил стрелы, чтобы поражать людей любовью или отвращением, они были бы сделаны не из золота и свинца, но из железа и стали: для оружия пригодны именно эти металлы.

Четвёртый признак: пылающий факел

Четвёртый признак, или знак, Купидона состоит в том, что он держит пылающие факелы. Так утверждает Рабан в книге «О происхождении вещей». Поэты обычно изображают Купидона со стрелами и горящим факелом. Так говорит и Сенека в четвёртой трагедии, третьей песне.

Так же говорит Сенека в девятой трагедии, называемой «Октавия», во второй песне: заблуждение людей измыслило любовь летучим, свирепым и жестоким богом, вложило ему в руки стрелы, а к священным членам приложило пылающий факел.

Причина этого заключена в значении образа. Как стрелы дали Купидону, чтобы показать, что он ранит сердце, так горящий факел — чтобы показать, что он сердце воспламеняет. Хотя ему приписывают оба действия — ранить и жечь, — приличнее ему жечь факелом, чем ранить стрелой.

Забота, жгущая сердце

Прежде всего, любовь в собственном смысле не есть ни рана от стрелы, ни ожог от факела. И то и другое говорится метафорически, однако к горению основание метафоры применяется особенно хорошо.

Любовь есть тяжкая забота. Всякая забота горяча и жгуча; потому латинское *cura* — «забота» — истолковывается как *cor urens*, то есть «жечь сердце». Следовательно, любовь поистине жжёт и воспламеняет сердце.

С этим согласуется Священное Писание. Апостол в восьмой главе Первого послания к Коринфянам, говоря о стремлении к плотскому соединению, называет его горением: «Лучше вступить в брак, нежели разжигаться». Горением он называет мучение от перенесения подобных желаний, ибо они жгут человека. Он не назвал их ранами от стрелы; поэтому пылающий факел Купидону подходит ещё более, чем ранящие стрелы.

Примечание к переводу. У Лусены указана восьмая глава; приведённые слова находятся в Первом послании

к Коринфянам, 7:9.

Огонь телесной и духовной любви

Тепло и огонь приписывали не только любви плотской и телесной, но также любви духовной, весьма далёкой от первой. Милосердную любовь называли огнём, а высший чин ангелов — серафимами, что значит «пламенеющие», поскольку они более других исполнены любви. Ибо эта любовь также заставляет их гореть.

Пятый признак: пояс с сердцами

Пятый знак Купидона — множество сердец, подвешенных к его поясу. Они означают, что влюблённые уже не властны над собственными сердцами: Купидон овладевает ими и уносит туда, куда пожелает.

Так происходит потому, что желание, или любовь, есть весьма сильная страсть. Все сильные страсти стремятся вывести человека из самого себя, а любовь — сильнейшая из них: они отнимают у него власть над собой и принуждают желать или не желать уже не по собственной воле, но лишь того, к чему влечёт желание. Поэтому сердцем влюблённого владеет Купидон, а не сам влюблённый.

Душа пребывает там, где любит

С этим согласны слова мудрецов. Дионисий говорит: любовь относится к духам, или душам, так же, как тяжесть — к телам. Тяжесть несёт тело к его месту сообразно его весу. В зависимости от различия тяжести различаются и места тел: одни приближаются к центру больше, другие — меньше. Так и любовь ведёт дух к его месту, заставляя его пребывать там, где он любит.

Поэтому Ричард и Гуго Сен-Викторские говорят, что душа истиннее находится там, где любит, чем там, где оживляет тело. Если любовь, как мы говорим, принадлежит сердцу, а любимое находится вне влюблённого, то и его сердце истиннее находится вне него, нежели в нём. И поскольку движет им Купидон, именно он должен его удерживать.

К поясу Купидона подвесили множество сердец, потому что он приводит в движение всех влюблённых, а влюблённых так же много, как людей, населяющих все части мира. Если бесчисленны огни, которые, по словам Сенеки в четвёртой трагедии, третьей песне, посылает Купидон, то бесчисленны и сердца, висящие у него на поясе.

Где сокровище, там и сердце

Так говорит и Господь в шестой главе Евангелия от Матфея: «Где твоё сокровище, там и твоё сердце». Это особенно относится к скупцам, собирающим сокровища. Алчность есть сильная страсть и потому извлекает сердце из его места, помещая его там, где находится любимая вещь — сокровище.

Так действуют все сильные страсти, и такова любовь. Сердце влюблённого оказывается вне него, пленённое властью Купидона. Поэты не только сказали, что Купидон держит сердца любящих, но изобразили их подвешенными к его поясу, чтобы показать два свойства: мучение и опасность.

Мучение и опасность подвешенного сердца

Во-первых, всякая подвешенная вещь пребывает как бы в мучении. Таково и состояние влюблённых: если они не достигли желаемого, то живут в тревоге и тягостных размышлениях; если достигли, то живут в подозрении и страхе потерять приобретённое. Поэтому мучение никогда не покидает влюблённого.

Во-вторых, подвешенная вещь находится в опасности: она непрочна, движется, ни на чём не утверждена и потому может упасть. Таковы влюблённые, жизнь которых полна опасностей погибнуть. Многие из-за жестокой любви окончили свои дни прежде срока.

Шестой признак: повязка на глазах

Шестой признак состоит в том, что Купидон носит перед глазами полотняную повязку. Это означает, что он не видит. По словам Аристотеля в шестой книге «Этики», ум есть глаз, в котором пребывает разум: о тех, кто пользуется разумом, мы говорим, что они видят; те же, кто им не пользуется, не видят, хотя имеют глаза.

Влюблённый, даже имея глаза, не видит, потому что держит их закрытыми. Так бывает при всех сильных страстях: они смущают разум, и он уже не может судить о должном. Катон говорит, что гнев препятствует сердцу взирать на истину.

Но плотское вожделение, принадлежащее Купидону, ещё сильнее: оно меньше слушает разум и меньше ему повинуются. Поэтому Аристотель в седьмой книге «Этики» доказывает, что вожделение постыднее гнева: одержимый им ещё менее способен увидеть истину, чем разгневанный.

Слепота желания

Этот признак согласуется с первым свойством, которое мудрецы и поэты дали Купидону: он ребёнок или юноша. Дети не имеют разумения и не знают, что делают. Таков Купидон: он движет влюблёнными без всякого рассуждения, и они идут лишь туда, куда увлекает их напор желания.

Седьмой признак: лапы грифона

Седьмой признак состоит в том, что Купидон имеет лапы грифона. Уже это показывает, что образ Купидона вымышлен ради некоторого значения, а не представляет истинное существо. Будь Купидон действительным и имей он человеческий облик, ноги у него были бы человеческие; однако ему дают лапы грифона.

Так же создали образ крылатого коня Пегаса: назвали его конём, но дали ему крылья, рога, железные ноги и огненное дыхание. Следовательно, Пегас не был настоящим конём, но служил знаком скрытого смысла. Так и Купидон — не действительное существо, а поэтический образ, как говорит Сенека в четвёртой и девятой трагедиях.

Сила грифона

Грифон отчасти птица, отчасти зверь; он велик, силен и хватает крупную добычу. То, что он схватил, держит столь крепко, что пленённое не может уйти из его лап. Авторы утверждают, что грифон — враг коней: нападая на коня, он порою захватывает вместе с ним и всадника и поднимает обоих в воздух.

За эту способность сильно хватать и крепко удерживать Купидону дали лапы грифона. Любовь столь властно пленяет и удерживает того, кем однажды овладела, что освободиться от неё можно лишь с великим трудом.

Почему Купидон ранит

Причина, по которой Купидона изобразили ранящим влюблённых, заключена в значении его природы. Он есть любовь, или желание плотских деяний; это желание ранит и мучит влюблённых. Поэтому поэты справедливо говорили, что раны наносит именно Купидон: никакой другой бог или богиня не обозначает это желание, и потому действие приписали ему одному.

Авторы называли богинями также Венеру и Наслаждение — *Voluptas*, или *Voluptia*, как пишут Марк Варрон и Августин. Однако эти две богини означают не само желание; его обозначает только Купидон. И поскольку мучает человека желание, поэты сделали Купидона тем, кто ранит влюблённых.

Стрела внутри сердца

Так утверждали поэты, создавшие образ Купидона как бога. Один из них говорит: «Я тайно ранен и ношу стрелу внутри груди, или сердца». Поскольку Купидон причиняет влюблённым многие боли, следующие за этими ранами, именно он и наносит их.

Один поэт сказал: «Сколько раковин в море, столько страданий в любви».

Жало во плоти

Не только поэты, измышляющие образы, но и Священное Писание, излагающее чистую истину, говорит о нестерпимом мучении, причиняемом этой страстью. На неё жаловались не одни несовершенные люди, но даже святые и совершенные, не находя сил её переносить.

Так апостол Павел говорит о себе во Втором послании к Коринфянам, в седьмой главе: «Дано мне жало в плоть, ангел сатаны, чтобы удручать меня. О том трижды молил я Бога, чтобы удалил его от меня, но получил ответ: довольно для тебя благодати Моей».

Из слов апостола видно, что эта страсть наносит раны и, как говорили поэты, имеет стрелы: он назвал её жалом. Жало остро и проникает подобно стреле; кроме того, апостол прямо сказал, что оно его мучило.

Примечание к переводу. В оригинале указана седьмая глава; цитата находится во Втором послании к Коринфянам, 12:7–9. Понимание жала как плотского желания относится к толкованию Лусены.

Тело этой смерти

В другом месте апостол ещё сильнее сетует на эту страсть. В седьмой главе Послания к Римлянам он называет её смертью и говорит: «Бедный я человек! Кто избавит меня от тела этой смерти?» Смертью он назвал свирепое желание, причиняющее смертные муки тем, кто не желает ему уступить.

Среди всех страстей и желаний, которым трудно сопротивляться, Христос не указал иного, для победы над которым требовались бы столь великое усилие и столь особая благодать. Без особого дара Божия никто не может жить целомудренно и оставаться в стороне от всех плотских деяний, если только человек не лишён природной способности вследствие холодности.

Не всем дано вместить

Так говорит Христос в девятнадцатой главе Евангелия от Матфея. Сначала Он сказал, что нельзя отвергать жену. Святой Пётр, считая тяжёлым невозможность оставить её по какой-либо причине, возразил: «Если такова обязанность человека к жене, то лучше не жениться».

Христос ответил: «Не все вмещают слово сие, но кому дано». Чтобы объяснить сказанное, Он добавляет, что люди могут не пользоваться плотскими наслаждениями тремя способами.

Примечание к переводу. Лусена приписывает эту реплику Петру. В Евангелии от Матфея, 19:10, её произносят ученики, без указания отдельного имени.

Три пути отказа

Первый путь — когда люди от природы неспособны к плотскому соединению из-за холодности, отнимающей желание или телесную силу. Таким людям нетрудно воздерживаться от того, чего они не способны совершить.

Второй путь относится к тем, кого осклопили другие люди.

Третий путь — когда человек сохраняет природную силу к исполнению плотского желания и не лишён необходимых органов, но ради невидимых благ отказывается наслаждаться земными удовольствиями. Для этого третьего пути, заключает Христос, требуется великая благодать.

Рождённые, оскроплённые и избравшие

Господь говорит: «Есть скопцы, которые из чрева матери родились так; есть скопцы, которые оскроплены людьми; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

Последний путь весьма труден и потому, вопреки предложению Петра, предназначен не для всех. Лишь тот, кто способен принять его, пусть принимает; и способен на это только тот, кому даровано Богом.

Девство, брак и собственный дар

Этому учению следует апостол Павел в седьмой главе Первого послания к Коринфянам, показывая, как трудно постоянно хранить воздержание. Хотя девство, или целомудренное воздержание, выше и благороднее брака, апостол не стал призывать к этому совершенству всех людей, как призывал к другим добродетелям, потому что оно труднее.

Он пишет: «О том, что вы писали мне, — хорошо человеку не касаться женщины». Но для избежания блуда, отвечает апостол, безопаснее каждому мужчине иметь свою жену и каждой женщине — своего мужа.

Чтобы никто не понял эти слова так, будто брак безусловно лучше девства, Павел поясняет: девство или воздержание лучше супружеской жизни, однако оно невозможно без дара Божия, которым обладают не все.

Лучше вступить в брак, нежели разжигаться

Слова о том, чтобы каждый имел супругу или супруга, апостол произносит не как обязательное повеление, но как дозволение тем, кто хочет так поступить. «Желаю, чтобы все люди были, как и я», — то есть чтобы, подобно ему, не вступали в брак и жили в девстве или воздержании.

Однако каждый имеет собственный дар от Бога: один таковой, другой иной. Смысл таков: совершенное воздержание требует особого дара, который дан не всем. Хотя все люди имеют какие-либо дары Божии, получившие дар целомудрия способны его хранить, остальные — нет.

Поэтому, показывая лучший путь, он говорит: «Лучше было бы, если бы все люди оставались, как я», — то есть не вступали в брак и не имели жены, как не имеет он. Но тем, кто не может соблюдать воздержание, следует вступить в брак, ибо «лучше вступить в брак, нежели разжигаться».

Сила, заключённая в образе Купидона

Из сказанного явствует власть и сила желания, или плотского вожделения, которое язычники изобразили в образе бога Купидона. Он ранит влюблённых и даже тех, кто прежде не любил, насильно принуждая их любить.

Примечательное место текста

Итак, дамы, изложив эти начала, я не стану уклоняться от порядка, которому следуют толкователи, и прежде всего отмечу слова текста: «Кто, предавшись любви, добивается дам, тот губит самого себя».

Влюблённый должен прежде всего винить самого себя, а не силу звёзд, не predetermined ход грядущих событий и не свойства предметов, от которых рождаются удовольствие и наслаждение, как поступают некоторые.

Не звёзды, а собственный выбор

О простое и обманчивое суждение! О малодушная изнеженность и тёмная слепота разума! Человек скорее желает приписать свой порок другому, чем силой разума воспротивиться чувственному удовольствию, хотя видит, что женщина с первого же часа ранит и губит его.

Не в свободе ли воли убеждают ораторы? Не её ли доказывают философы и показывают богословы? Благодаря ей оценивается добродетель, прославляется добрый совет, управляются города и, наконец, с великим тщанием ищется применение благоразумию. Посредством благоразумия человеческий поступок заслуживает награды или порицания.

Примечание к переводу. Фраза оригинала «la tuger a si mesmo llaga y destruye» синтаксически неясна. Здесь она понята по контексту как указание на вред, который женщина причиняет влюблённому; местоимение «его» добавлено для ясности.

Самому себе в вину

Поскольку выбор добродетели и порока находится в нашей власти, человеку некого винить, кроме самого себя, когда он пренебрегает добродетелью и соединяется с пороком, не желая управляться разумом.

В разуме царят благоразумие и всеобщая справедливость — основания всех прочих добродетелей.

Благоразумие

Говоря о благоразумии, Аристотель пишет в пятой книге «Этики», что благоразумному человеку свойственно уметь хорошо советоваться о том, что для него полезно и благотворно. Ниже он заключает: кто благоразумен во всём, тот сумеет хорошо рассудить и дать себе верный совет.

Совершенная справедливость

О справедливости Аристотель пишет в пятой книге «Этики»: справедливость есть совершенная добродетель — совершенная не сама по себе, но в отношении к другому. Поэтому она превосходит все прочие добродетели и достойна большего восхищения, чем утренняя звезда.

Кто обладает справедливостью, тот обладает и остальными добродетелями. От этого основания происходит всякий добродетельный поступок, а вместе с ним возникает благопристойность.

Благопристойность поступка

По словам Туллия в первой книге «Об обязанностях», благопристойность есть действие, сообразное месту, времени и человеку, с которым надлежит общаться.

Так Аристотель говорит в четвёртой книге «Этики»: не всякое дарение есть щедрость, но лишь то, которое совершается когда следует, где следует и тому, кому следует.

Время изменяет человеческие законы

Высшие понтифики, принимая во внимание эту благопристойность и следуя авторитету Туллия из третьей книги «Об обязанностях», установили в разделе о родстве и свойстве правило «Не должно». Оно гласит: нельзя считать предосудительным, если человеческие установления и законы изменяются вместе с различием времён.

Благоразумие, будучи правильным суждением о нашем действии, как сказано в шестой книге «Этики», определяет, что справедливо и несправедливо, дозволено и недозволено, сообразуясь с необходимостью времени. Отсюда явствует, что благопристойность есть не что иное, как действие благоразумия.

Стыд как похвальное движение души

За этой добродетелью следует стыд. Однако Аристотель показывает в четвёртой книге «Этики», что стыд — не добродетель, а похвальное движение души, особенно приличествующее молодым.

Молодые люди из-за недостатка опыта и природного склада склонны впадать в заблуждение. Стыд удерживает и отворачивает их от ошибки. Поэтому разум велит им во всех делах поступать так, чтобы не подвергнуться справедливому порицанию.

По этой причине стыд оказывается достойным похвалы там, где господствует разум; от благопристойности он не может быть отделён.

Рассудительность и естественный закон

Вслед за повелевающим разумом идут здоровое суждение и умеренность. Под здоровым суждением обычно понимают такое поведение, при котором человек ни в одном своём действии не заслуживает порицания.

Это невозможно, если желание не подчинено естественному закону, запрещающему причинять кому-либо вред. Туллий пишет в третьей книге «Об обязанностях»: человек, повинующийся природе, не может вредить другому.

Три предписания права

Повинуясь естественному закону, человек соблюдает предписания разума, выраженные в законе «Правосудие» из Дигест о правосудии и праве: жить честно, не вредить другому и воздавать каждому принадлежащее ему.

Он также избегает неподобающего во всяком ином поступке, согласно словам Философа в пятой книге «Этики». Говоря о естественном законе, лежащем в основе писаного закона, он утверждает, что тот повелевает дела мужества — например, не покидать передний ряд и не бросать оружия; дела умеренного человека — не совершать прелюбодеяния и иного постыдного поступка; дела кроткого — никого не оскорблять. Так же он направляет человека относительно прочих добродетелей и пороков.

Отсюда ясно: благодаря присутствию здравого суждения человек во всяком деле становится умеренным, кротким, воспитанным и приятным.

Твёрдость, радость и постоянство

Из перечисленных добродетелей следуют ещё две вещи: устойчивость добрых навыков и сердечная радость, соединённая с постоянством. По словам Философа в первой книге «Этики», навык добродетели предполагает твёрдое удовольствие и стойкость: не добр тот, кто не радуется добрым делам.

Поскольку человек посредством добродетельного действия должен достичь счастья, необходимо постоянство. Как одна ласточка не делает весны, так единственный поступок ещё не делает человека добродетельным и блаженным.

Лишь когда человек остаётся постоянен в таком образе действий, он достигает славы — как небесной, так и земной.

Добродетели отдельного человека

Таковы добродетели, которые подобают человеку самому по себе и под властью разума. Теперь остаётся назвать те, что принадлежат ему как существу общественному и гражданскому.

Общественное и гражданское существо

Человек благодаря разуму понимает, что по природе рождён не для самого себя одного. Так говорит Платон, которого Туллий приводит в первой книге «Об обязанностях»: мы родились также ради пользы отечества, родственников и друзей.

Стоики прибавляют, что люди должны помогать друг другу. Поэтому человек становится любящим ближнего и доброжелательным к нему.

Доброжелательность ко всем

Аристотель пишет в восьмой книге «Этики», что люди, доброжелательные к другим, заслуживают великой похвалы — особенно те, кто со всеми дружелюбен и приветлив.

Благодаря такому расположению человек избегает двуличия и пребывает в простой, ясной и чистой искренности сердца, поступая втайне так же, как поступил бы открыто.

Кольцо Гигеса

Об искренности говорит Аристотель в четвёртой книге «Этики», а Туллий — в третьей книге «Об обязанностях». Рассуждая о кольце Гигеса, которое делало носившего его невидимым, Туллий говорит: мудрец, имея такое кольцо, не должен считать, что ему дозволено грешить больше, чем без него.

Ведь все мы хвалим честные дела добрых людей, а не тайные.

Страх бесчестия и стремление к чести

Такой человек удерживается великим страхом бесчестия и горячим стремлением к чести. Это вернейший признак добродетели и отличных мужей: они желают чести как высшего блага.

Философ в первой книге «Этики», рассуждая о различных мнениях о том, в чём состоит счастье, говорит, что люди достойны чести благодаря прекрасным делам. Все эти навыки происходят из сердечной чистоты; Туллий в первой книге «Об обязанностях» называет её основанием справедливости.

Седые мысли юности

В любом возрасте эти добродетели рожают усердие и зрелые, словно поседевшие мысли. Особенно прекрасны они в юности, которая сильнее стремится к славе и чести.

Это показывает Ливий, повествуя о Второй Пунической войне и приводя речи Квинта Фабия Максима и Сципиона Африканского. В римском сенате обсуждали: следует ли переправить войско в Африку? Следовало ли в таком предприятии приписывать какой-либо недостаток возрасту или только нравам?

Возраст по годам и по поступкам

Об этом говорится в первой книге «Этики». Молодыми и старыми людей называют как по числу лет, так и по их делам. «Седыми» и «старыми» мысли именуются по сходству. Как старики медлительны в телесных движениях, так люди зрелого рассуждения всегда действуют обдуманно: они не спешат высказывать совет и не приводят его в исполнение прежде проверки.

Медленный совет, быстрое исполнение

Туллий пишет в первой книге «Об обязанностях»: всякому делу должна предшествовать осмотрительная и тщательная подготовка.

Эту мысль одобряет Философ в шестой книге «Этики»: хорошо обдуманное следует исполнять быстро, но само обдумывание должно быть медленным.

Редкое согласие красоты и целомудрия

Наконец, эти превосходные добродетели создают согласие, редко встречающееся среди смертных: соединение телесной красоты, целомудрия и постоянства ума.

Однако желание соединения мужчины и прекрасной женщины настолько естественно, как сказано в первой книге «Политики» и в «Экономике», что человек не может удержаться от перехода к омрачённой похоти. И это несмотря на то, что не одна лишь красота тела услаждает чувства и ум, согласно словам Давида: «Ты возвеселил меня творением Твоим».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.